

Утарбаева Регина Салимзановна

ИСТОКИ ДОБРА И ЗЛА В БАШКИРСКОМ НАРОДНОМ ЭПОСЕ "УРАЛ БАТЫР"

Статья раскрывает философские аспекты эпоса "Урал батыр", являющегося источником для изучения мировоззрения и мировосприятия башкирского народа. На основе изучения эпоса рассмотрены аспекты Мудрости, древнейшие аналоги категорического императива башкир, а также выявлены общие черты морально-этических норм, присущие большинству эпических сказаний мира. Автором полагается существование Универсального Знания, которое передается сквозь призму национальной специфики посредством мифов или эпосов. Философский анализ истоков добра и зла на примере эпоса "Урал-батыр" позволяет нам говорить о национальных чертах в философии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 182-187. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

14. **Kimball S. T.** Genep, Arnold Van [Электронный ресурс] // International Encyclopedia of the Social Sciences. URL: <http://www.encyclopedia.com/doc/1G2-3045000455.html> (дата обращения: 10.11.2016).
15. **Lang A.** Review // *Anthropos*. 1909. Vol. 4. № 3. P. 824-826.
16. **Leach E. R.** Review. The Rites of Passage by Arnold van Genep, Monika B. Vizedom and Gabrielle L. Caffee; Death and the Right Hand by Robert Hertz, Rodney Needham and Claudia Needham // *Man*. 1960. Vol. 60. P. 173-174.
17. **Mauss M.** Review of Hoffmann-Krayer, Die Volkskunde als Wissenschaft // *Année sociologique*. 1903. № 6. P. 167-170.
18. **Mauss M.** Review of Van Genep's Rites de Passage // *L'Année sociologique*. 1910. № 11. P. 200-202.
19. **Spencer R. F.** Review. The Rites of Passage by Arnold van Genep, Monika B. Vizedom and Gabrielle L. Caffee // *American Anthropologist*. New Series. 1961. Vol. 63. № 3. P. 598-599.
20. **Starr F.** Review of Les rites de passage by Arnold Van Genep // *The American Journal of Sociology*. 1910. № 15. P. 707-709.
21. **Thomassen B.** Liminality and the Modern. Living through the In-Between. Surrey: Ashgate Publishing, Ltd., 2014. 250 p.
22. **Tozzer A. M.** Social Origins and Social Continuities. N. Y., 1925. 286 p.
23. **Turner V.** Liminal to Liminoid in Play, Flow, and Ritual: an essay in comparative symbology [Электронный ресурс]. URL: https://scholarship.rice.edu/bitstream/handle/1911/63159/article_rfp603_part4.pdf?sequence=1 (дата обращения: 10.11.2016).
24. **Turner V.** Schism and Continuity in an African Society: a Study of Ndembu Village Life. Manchester: Manchester University Press, 1957. 348 p.
25. **Van Genep A.** Review of E. Durkheim "Les Formes élémentaires de la Vie religieuse" // *Mercure de France*. 1913. № 101 (374). P. 389-393.

“THE RITES OF PASSAGE” BY ARNOLD VAN GENEP, HIS THEORY AND METHOD

Treshchenok Yuliya Mikhailovna
Saint Petersburg State University
yulia86_2004@mail.ru

The author of this article presents the history of the term “rites of passage”, its use and development in works of the next generation of scientists-anthropologists in Europe and the United States. The term was proposed by the famous ethnographer, scrupulous collector of folklore Arnold van Genep for designation of a number of rituals, in which structure he revealed common features. The author points to features of methodological approaches of Arnold van Genep and his contemporaries, and analyzes his contribution to development of anthropological thought, the way his heritage was assimilated and reinterpreted.

Key words and phrases: rites of passage; Arnold van Genep; social change; rituals of life cycle; anthropology; functionalism; structuralism; procedural analysis.

УДК 01; 13:130.2

Философские науки

Статья раскрывает философские аспекты эпоса «Урал батыр», являющегося источником для изучения мировоззрения и мировосприятия башкирского народа. На основе изучения эпоса рассмотрены аспекты Мудрости, древнейшие аналоги категорического императива башкир, а также выявлены общие черты морально-этических норм, присущие большинству эпических сказаний мира. Автором полагается существование Универсального Знания, которое передается сквозь призму национальной специфики посредством мифов или эпосов. Философский анализ истоков добра и зла на примере эпоса «Урал-батыр» позволяет нам говорить о национальных чертах в философии.

Ключевые слова и фразы: эпос «Урал-батыр»; категорический императив; мудрость; добро; зло; национальные черты философии.

Утарбаева Регина Салимзановна

Башкирский государственный университет
regina11_11@mail.ru

ИСТОКИ ДОБРА И ЗЛА В БАШКИРСКОМ НАРОДНОМ ЭПОСЕ «УРАЛ БАТЫР»

Осознание человеком необходимости обрести смысл жизни неизбежно приводит к возникновению множества вопросов не только о бытии, но и о способах его познания. К смыслу бытия можно приблизиться с помощью вопросов о нем, ведь само наличие вопроса уже содержит часть ответа. С глубоких времен людей (людей ищущих) всегда волновала проблема происхождения жизни и предназначения человека. Именно с осознания и постижения ответов на основополагающие вопросы «Кто я?», «Куда я иду?» и «Для чего?» возможно обрести смысл жизни.

С проблемой поиска смысла жизни тесно связан другой философский вопрос – об истоках добра и зла. С древнейших времен и до наших дней данная тема, как и любая философская проблема, остается открытой и актуальной. «Вечность» многих философских вопросов сводится к тому, что они имеют особую специфику разрешения, а именно – постичь ответы на эти вопросы можно с помощью субъективных трансцендентных переживаний в том случае, когда человек сам «готов» их увидеть.

Испокон веков в форме мифов, легенд, эпосов, сказок до нас дошло множество гипотез о возникновении мира, небесных тел и светил, о жизни и смерти. Сейчас, когда мифологическая картина мира разрушена, а человечество столь стремительно развивается и активно познает окружающий мир и самого себя и с научно-технической, и с метафизической точек зрения, обращение к мифологическим пережиткам и воззрениям наших предков все же не теряет своей актуальности в силу того, что твердая вера наших предков, отражавшая космологические представления, не исчезла бесследно.

Космогонические мифы, а также вытекающий из них фольклор являются древним духовно-философским ядром любого этноса, культуры. Мифология башкир, как и мифология других народов мира, представляет собой древний и богатый культурный пласт. Башкиры всегда жили в тесной гармоничной связи с природой, что естественным образом отразилось на мифотворческом и философском мировоззрении народа. Наряду с вопросами о мироустройстве и познании смысла жизни на земле, их интересовали также проблемы этических норм. В связи с этим у башкир сложилась особая народная мудрость, дающая советы и помогающая найти решение в сложных ситуациях, выразившаяся в форме множества поговорок, сказаний, пословиц, в особо тонкой поэтической структуре песен, баитов, кубаиров. Стремление древних башкир познать причинно-следственные связи жизнеустройства и связанная с этим потребность жить в ладу с природой отразились не только в устном народном творчестве, но и в организации пространства быта, способах оформления одежды. Понятие «природа» здесь употребляется в одном смысловом ряду с таким понятием, как «вселенная». Сама природа учит разумного человека жить, дает уроки, защищает, показывает, главное условие: не нарушать жизненные принципы, по которым возможна жизнь в гармонии с самим собой и природой. Таким образом, отталкиваясь от сути понимания природы, древние башкиры смогли создать своеобразную философскую картину мира. Человек и природа едины, они могут легко трансформироваться друг в друга. «Взаимосвязь человека и природы осуществляется через конкретные виды человеческой деятельности», – отмечает С. А. Никольский [8, с. 14].

Миф является одним из источников самобытности народа и его культуры. Отношение башкир к природе и всему живому, в том числе растительному миру, выполняемые ими повседневные и сезонные действия (ритуалы) ярко иллюстрируют специфику мировосприятия башкир. Е. М. Мелетинский в своих трудах отмечает наличие древнейших мифов, обладающих этноопределяющими признаками [7, с. 61].

Эпос «Урал-батыр» – одно из самых крупных произведений башкирского фольклора, он является огромным пластом для изучения мировоззрения и мировосприятия башкир [1, с. 16]. З. Г. Аминев в своих трудах исследует сакральное значение этого космогонического текста [1, с. 17; 2, с. 136-139]. Сюжет эпоса основан на древней мифологии (превращение хаоса в космос, зооморфность, хтонические сущности, архаичные обряды (питье крови, человеческие жертвоприношения), почитание природных стихий, Тенгри). Он рассказывает о деяниях башкирских богов Шульгена (владыка хаоса и потустороннего мира) и Урала – культурного героя-первопредка. Урал-батыру, главному положительному герою, присущи черты демиурга: он очищает землю от змей, дэвов и иных жителей хтонического мира, сражается со злом, приносящим вред всему обществу (например, изживает обряды человеческих жертвоприношений в царстве Катилы), его деятельность всегда направлена на созидание – после себя он оставляет новые природные плодородные ландшафты, жизнь.

В эпосе затронуты глубокие вопросы философии, ответы на которые ищет Урал-батыр: все его действия направлены на истребление Смерти и поиск Живого Родника. Даже обретение жен и любви (дочь побежденного царя Катилы, Гулистан и высоковозлюбленная Хомай) не способны остановить батыра в главном его намерении, осознание которого всегда при нем: «Из дома я вышел, чтобы убить Смерть, не видимую для глаз» [4, с. 56]. Причем изначально им двигало страстное стремление найти и уничтожить Смерть именно в ее физическом, конечном, телесном понятии. Лишь с опытом и пройденными испытаниями, не без помощи Мудрого Старца у Древа Жизни к нему нисходит просветление, осознание того, что есть высший смысл в вечном тандемном танце Жизни со Смертью, Смерти с Жизнью, что они – суть Единого процесса. В предсмертном слове-завещании Урала и Старца, обреченного жить вечно, заключена основная программная мысль древнего литературного памятника: «Сделав главным в действиях и поступках положительных героев и персонажей мотив созидания, творцы великого сказания воспели гимн Добру, гимн Жизни. Вот почему гибель главного героя и желание Хомай остаться в птичьей облике не воспринимаются как трагедия с безысходным концом. Сэсэнны с огромным тактом, проявляя исключительную мудрость, преподнесли нам мысль о неизбежности, необходимости Смерти, дали понять, в чем смысл Жизни и подлинное бессмертие человека» [13, с. 9].

Деяния Урал-батыра перекликаются с действиями Гильгамеша, урукского царя из одноименного шумеро-аккадского «Эпоса о Гильгамеше». Оба эпоса выдвигают общие философские положения, оба задаются вопросом о смысле жизни на земле, если она все равно завершается неизбежной смертью. Урал, обдумывая избиение своим отцом Янбирде брата Шульгена, приходит к выводам:

«Одумайся, мой отец!

...

На земле ты не нашел Смерть;

Как она выглядит – не узнал,

Сердцем не почувствовал ее.

Если еще раз ударишь свое дитя,

Не значит ли, что ты готов

В собственном доме своем,

На собственных детях своих

Показать, как приходит Смерть
От сильного к слабому...
...Ту самую Смерть
Встретить в своем жилище
Не придется ли тебе, мой отец?...» [10, с. 179].

К примеру, на вопрос Гильгамеша о смысле жизни и неизбежности смерти, отвечает единственный среди людей бессмертный по имени Утнапишти:

«Ярая смерть не щадит человека:
Разве навеки мы строим дома?
Разве навеки ставим печати?
Разве навеки делятся братья?
Разве навеки ненависть в людях?
Разве навеки река несет полые воды?
Стрекозой навсегда ль обернется личинка?
Взора, что вынес бы взоры Солнца,
С давних времен еще не бывало:
Пленный и мертвый друг с другом схожи –
Не смерти ли образ они являют?» [12].

В башкирском же эпосе еще в начале повествования через речь Ворона дается первый знак о равноправном и гармоничном союзе Жизни и Смерти, точнее о неизбежности процесса взаимозамещения этого тандема. *На призыв Урала в совете с птицами и зверьми:*

«Покончим со злодейством (на земле).
Смерть, что останется одна,
Отыщем все вместе и убьем!» [10, с. 180].

Ворон отвечает так:

«...Если сильный за слабыми
Охотиться перестанет,
Если матерью рожденный ни один
Не будет умирать,
Если деревья и травы на земле
Изменяют природе своей, –
...
Зелень не сбросят свою, –
...если звери, подобные зайцу,
В год два-три раза будут плодиться,
...
Всю зелень будут поедать,
...
Если целые стаи пернатых –
...
Водную гладь покроют;
Родники бить перестанут,
И если на земле воды протухнут, –
Что же тогда нам делать?» [Там же, с. 181].

Урал хотел найти истоки зла и истребить его. Интересны в этом плане рассуждения французского философа Поля Рикера о символике зла. Рикер ищет истоки зла и хочет найти ответ на вопрос: как зло проникло в человека? По его мнению, зло закрадывается в человека через величайший феномен, парадокс конечности и бесконечности, который есть в каждом [9]. Парадокс человека, желающего бесконечности, но в то же время являющегося плотским желанием эго, которое конечно. Там, где человеку доступно величие, появляется возможность возникновения гордости, возможность оказаться против себя и против других (неосознанная гордыня Шульгена). Это и есть гнездо зла, сети зла, в которые человек вовлечен изначально на протяжении всей истории, содержит это зло, и поэтому человеку приходится трудиться для умиротворения, примирения зла в себе и в окружающих людях (как это делал Урал-батыр, который мечтал уничтожить смерть и искоренить зло, несмотря на то, что он, в принципе, всегда мог сдать себя и пуститься в более легкий, но нечистый путь зла и гордыни). Так же и человек, как и главный герой эпоса, должен осознать свою сущность и свою долю ответственности за благо вокруг, обязательно принимать ее во внимание, чтобы избежать худших форм зла, которые пришли в историю с пониманием власти.

Так, тезисы категорического императива Канта гласят: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству», «поступай так, чтобы свобода твоих поступков была совместима со свободой каждого и со всеобщими законами» [6]. В эпосе «Урал-батыр» также читаем древнейший аналог императива: «Ваша

радость – она и моя, Вы ж воспримите мою, как свою» [4, с. 70]. Так, Урал-батыр имел врожденное присутствие морали в своем сознании, в отличие от его антагониста – Шульгена, который видел в Урале и в других сущностях (Заркум и иные хтонические жители) лишь средство для достижения своих эгоцентричных целей (признание со стороны отца без вкладывания необходимых на то усилий, как нравственных, так и физических), им овладел ложный призрак вседозволяющей власти. Уралом же движет нравственный долг перед обществом и перед самим собой, перед своим Высшим Я. Вот почему Урал остается свободным, прежде всего свободным от уз эго, поэтому долг этот (борьба со Смертью, не с естественной физической смертью, со Злом, и установление абсолютного Блага; а также осознание им того, что Зло и Добро неотъемлемые, взаимодополняющие части Единого процесса Бытия) не принудительный, а идущий от свободной воли батыра. Он свободен.

В образах двух братьев наши предки воплотили свои идеи добра и зла. Шульген, вступивший в союз со змеями, олицетворяющими в сознании людей безнравственность, низменность, становится врагом всего живого и доброго, символом человеческих пороков. Урал в своем долге и нелегком пути к Добру и Истине, на котором он поборол множество враждебных людскому роду злых сил, вернул свободную и радостную жизнь их жертвам, и по сей день является в сознании народа образцом носителя высокой морали, миротворца, устроителя Добра, Красоты, жизни и вечных нравственных ценностей.

Подобные мощные пласты духовно-нравственного характера познания мира и себя поднимаются в народном эпосе «Урал-батыр», поиск истины, раздумья об истоках добра и зла свойственны эпическим сказаниям многих народов планеты. Практически во всех эпических памятниках народов мира есть единое общее зерно, универсальные мотивы, дающие основание полагать, что информация, которую передают древние сказания и предания, имеют один универсальный поток источника информации. Соглашаясь с В. И. Чичеровым, отметим, что «решение проблемы народного эпоса – ключ к пониманию общих и частных вопросов, возникающих при изучении эпических произведений. Народность, проявляющаяся в произведении в целом, всегда национально-специфична. Национальная специфика как бы конкретизирует проявление народности эпоса. Это можно ясно увидеть на примере сопоставления сходных по сюжету эпических произведений, созданных разными народами, в разной исторической обстановке...» [11, с. 5]. Есть лишь отличие в национальной специфике передачи этого Единого Знания (этнографические детали, географические данные, эпизоды фольклора, язык и форма сказания, социальные отношения, в том числе в семье (например, почитание старших, умение слушать младших), преемственность поколений, народное творчество и быт).

Таким образом, эпосы, взаимообогащенные историей, творчеством и бытом каждого конкретного народа, отражают его мировоззрение, культуру и историческое прошлое. Эпосы также являются способом трансляции Универсального Знания, переданного с учетом уровня его понимания реципиентом на данной стадии развития сквозь призму национальной специфики.

Итак, рассмотрим еще раз подробнее нравственно-этический императив башкирского народа, чей позитивный духовный опыт позволяет совершенствоваться современникам. Наиболее полно моральные нормы выражены в устном народном творчестве и представлены в виде сказаний, эпосов и легенд, обрядов и праздников, в пословицах и поговорках, а также в песнях. Как мы уже отмечали выше, наиболее ярким примером является изучаемый нами эпос «Урал-батыр». В эпосе отсутствует слово «мораль», но само понятие присутствует. Оно выражено словом-понятием «добро», «благодаяние», являющимся непременным критерием в достижении духовно-нравственного сознания, мира и справедливости. «Добро» является здесь как бы собирательным словом-образом высших принципов человеческой жизни и императивности, включает в себя такие смыслы, как добрый нрав и благоразумие (в том числе как антипод невежества), вежливость, воспитанность, уважение, милосердие, ответственность за свои поступки, высшие моральные ценности и др. Рассмотрим их на примере речи Урал-батыра:

«... в этом мире я тот,
Кто рожден защищать людей.
Счастья желаю земле я всей» [4, с. 69].

«Слава и почести мне не нужны;
Лишь тот зовется батыром страны,
Чьи помыслы людям посвящены» [Там же, с. 70].

«То, что на земле остается,
Чем все лучшее создается,
Сада краса и благоухание –
Это добро и благодаяние.
В огне не сгорит – благодаяние,
В воде не утонет – благодаяние,
До неба возвысится – благодаяние,
Оно – голова всех дел,
Для всех живущих на свете людей
Пребудет как мира высший удел» [Там же, с. 124-125].

О высоком предназначении добра также читаем в строках:

«Пусть станет добро лишь вашим конем,
Пусть имя будет вам – человек,
Злу не давайте дорогу вовек,
Пусть мир и добро пребудут вовек!» [Там же, с. 129].

«Всегда будет оно жить,
Сделавшее этот мир прекрасным,
Украшившее сущее красотой –
Имя которому добро» [3, с. 150].

«На земле, очищенной мною,
Людям добудьте счастье земное;
Будьте мудрыми на войне.
Чтобы славу добыть стране,
Сами стремитесь батырами стать;
Старших умеете почитать,
Их советами не пренебрегайте,
Но и тех, кто младше, не забывайте –
Вам растить их и поднимать» [4, с. 128].

Так в лице Урала сквозь архаические строки древнейшего народного литературного памятника проступают категории сентенциозной мысли башкирского народа. Мы ясно видим, какое отношение развивается в среде башкир к людям, природе и всему живому: все, что способствует гуманному отношению к миру и возвышению духовно-нравственных качеств в человеке признано башкирами как добро и благодеяние. Эпос также передает ряд мыслей во славу отваги, созидания, дружбы и любви. Самоосознание сквозь народное творчество также направлено на формирование экологического мышления, что налагает высокую долю нравственной ответственности перед обществом, местом обитания и самим собой. Башкиры издревле являлись полукочевым народом (лето проводили на яйляу, зиму – в деревнях), поэтому природа и проблема ее сохранения являются специфической особенностью в философии народа. Окружающая среда и природопользование – неотъемлемая часть жизни башкир, опора, надежный друг и источник вдохновения и изобилия. Экологическая сентенция заключается в уважительном и бережном отношении к природе, и не только в ее материальном аспекте, но также это выражено в почитании духов, хозяев природных объектов. Впоследствии это принимает форму обычаев и ритуальных праздников (например, «Карга буткаһы», «Һабантуй»), мифологических воззрений, связанных с почитанием объектов природы (небо, солнце, растения и животные, земля и вода), жертвоприношений, нравственно-воспитательной культуры в виде поговорок и пословиц. Природа – живая во всех своих проявлениях, как думающее животное, она все слышит и понимает, наши предки четко это понимали и жили в гармонии с ней. Подобное мироощущение и отношение к природе как к священному пространству обеспечивало древнему башкиру уверенность в стабильности собственной жизни и семьи, а также благосклонность со стороны природных сил и одновременно ее сохранность.

Разумно отметить, что уважительного отношения к природе как к священному пространству придерживались многие народы. Это подразумевает существование Универсального Знания и Истины, которыми человечество владело всегда. И сейчас многие познания возвращаются к нашим современникам из различных источников, но, по сути, «любующихся» из одного Единого истока: через коды древних сказаний и эпосов либо посредством неких трансцендентных, медитативно-интуитивных и иных метафизических способов (самостоятельно либо с помощью учителя (мудреца?)). Понимание глубинных универсальных знаний заложено в каждом человеке – кому-то оно открыто изначально, кому-то требуется приложить усилия, либо открывается внезапным озарением; не исключен вариант «спячки», когда знания не раскрываются. Всему свое время, всему есть место быть. Соглашаясь с мнением Г. Б. Вильдановой, отметим, что глубина мудрости не постигается посредством простого повторения за мудрецом и/или бездушного цитирования его, ее невозможно постичь без экзистенциального переживания самим человеком. Истинную мудрость невозможно передать наподобие заучивания знаний из школьной программы, она обретается самостоятельно [5, с. 102]. Мудрость же, понятая правильно, способствует решению духовных проблем современного общества.

Эпос «Урал-батыр», рассматривающий вопросы зла и добра, жизни и смерти, морали, истины и мудрости, законы мироздания, является глубоко философским произведением, и уникальность его состоит не только в историко-мифологическом культурном срезе, а в том, насколько проницательными оказались творцы данного произведения, отмечает Г. Б. Вильданова. Примечательно, что авторы его однозначно познали все эти глубинные аспекты экзистенциально, достигли просветления, «переработали», трансформировали те самые Универсальные Знания под «местные» характеристики, и только после создали эпос, закодированный поэтический текст, помогавший нашим предкам и до сих пор дающий современникам духовно-нравственную «пищу». «Специфика философского знания заключается в том, что она в какой-то мере имеет национальные черты. Не бывает китайской или греческой математики, но философия бывает китайской, немецкой или греческой», – справедливо отмечает исследователь [Там же, с. 101].

Предками башкир были созданы оригинальная мифологическая система и космологические воззрения, являющиеся структурой, на которой держится мировоззрение башкирского общества [1, с. 144]. Таким образом, из эпического сказания мы черпаем глубокие мысли о философии и мировоззрении, национальном категорическом императиве, социальных и нравственных нормах башкирского народа, а значит, и его философской мысли. Впоследствии эти аспекты становятся определяющими чертами национального самосознания башкир, тесно переплетающегося с макро- и микромиром, отраженным в устройстве быта, одежды, декоративно-прикладном творчестве.

Список литературы

1. Аминев З. Г. Эпос «Урал-батыр» и мифология башкир. Уфа: ДизайнПресс, 2013. 160 с.
2. Аминев З. Г. Эпос «Урал-батыр» как сакральный текст // Ватандаш. 2005. № 11. С. 136-139.
3. Башкирский народный эпос. М.: Наука, 1977. 518 с.
4. Башкирское народное творчество: в 12-ти т. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. Т. 1. Эпос. 544 с.
5. Вильданова Г. Б. Идеал мудреца в эпосе «Урал-батыр» // Ватандаш. 2009. № 7. С. 101-110.
6. Кант И. Категорический императив [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 22.08.2016).
7. Мелегинский Е. М. От мифа к литературе: курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика». М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. 170 с.
8. Никольский С. А. Земледелие и крестьянство как природно-исторические явления // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 13-24.
9. Рикер Поль: биографический указатель [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_r/rikerpol.php (дата обращения: 22.08.2016).
10. Урал-батыр: башкирский народный эпос / авт. вступ. сл. А. М. Сулейманов; перевод с башк. А. Х. Хакимова. Уфа: Китап, 2013. 288 с.
11. Чичеров В. И. Вопросы изучения эпоса народов СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 291 с.
12. Эпос о Гильгамеше [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litlib.net/bk/14821/read/3> (дата обращения: 23.08.2016).
13. Эпос «Урал-батыр» и мифология: материалы Всероссийской научной конференции / под общ. ред. В. Г. Хисаметдиновой. Уфа: Гилем, 2003. 180 с.

ORIGINS OF GOOD AND EVIL IN THE BASHKIR FOLK EPOS "URAL BATYR"

Utarbaeva Regina Salimzanovna

Bashkir State University

regina11_11@mail.ru

The article reveals philosophical aspects of the epos "Ural Batyr", which is a source for the research of worldview and world perception of the Bashkir people. On the basis of studying the epos the paper deals with the aspects of Wisdom, the ancient analogues of the categorical imperative of the Bashkirs, and also reveals general features of moral-ethical norms inherent in most epic legends of the world. The author presupposes existence of Universal Knowledge that is passed through the lenses of national specifics by myths or eposes. Philosophical analysis of origins of good and evil by the example of the epos "Ural Batyr" allows us to speak about national features in philosophy.

Key words and phrases: epos "Ural Batyr"; categorical imperative; wisdom; good; evil; national features of philosophy.

УДК (1:2)+(1:008)

Философские науки

В статье рассматриваются возможные методологические подходы к анализу проблемы взаимоотношения религии и смеховых практик. В концептуальном пространстве современных наук о религии можно обозначить три основные позиции в отношении к гелотологической проблематике: во-первых, это «теология смеха», апеллирующая к постмодернистской теории смеха. Во-вторых, феноменология религии, в частности феноменологический метод М. Элиаде. В-третьих, методологическую ценность для обоснования «метафизики смеха» представляют идеи русской религиозной философии.

Ключевые слова и фразы: ритуальный смех; метафизика смеха; теология смеха; феноменология религии; постмодернизм; новая религиозность.

Федорова Марина Владимировна, к. филос. н., доцент

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова

marafed2204@mail.ru

ГЕЛОТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ РЕЛИГИИ

Необходимо сразу обозначить, что проблема смеха и комического не является приоритетной в сфере наук о религии. Более того, сама мысль о возможной связи между смехом и религией для некоторых может быть либо неочевидной, либо недопустимой и даже кощунственной. Подобное отношение в концептуальном пространстве отечественного религиоведения обусловлено представлением о религии как о чрезвычайно серьезной сфере социально-духовных отношений, в которой просто нет места смеху, что, в свою очередь, негласно апеллирует к христианской трактовке смеха и веселья, согласно которой смех выступает «устойчивой приметой беса» [8, с. 123].

Хотя, на наш взгляд, связь между смехом и религией не просто существует, она глубоко укоренена в религиозно-мифологическом сознании. Связь эта проявляется вовсе не в попытке осмеяния культовых, догматических особенностей той или иной религии, а в том, чтобы видеть «метафизическое измерение смеха», его «отношение к коренным проблемам бытия – к Богу и Мудрости, к Жизни и Смерти... к Добру и Злу» [12, с. 244].